

ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕМЕЦКОМ РОМАНТИЗМЕ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

© Александр Иваницкий

THE CONCEPT OF THE NATIONAL CULTURE IN GERMAN ROMANTICISM: SOURCES AND HISTORICAL BACKGROUND

Alexander Ivanitskiy

In Novalis's works, the reaction of German Romanticism to the Enlightenment was civilizational: By the German world, both the French monarchy and Republic were viewed in a negative light. Thus, the Novalis's philosophy developed the concept of national culture, which the movement "Storm and Onslaught", led by J. G. Herder, opposed to French classicism of the 17th–18th centuries. According to Herder, the folk's culture is formed through the psychological exploration of nature in myths and folklore, fixed in language. The "organic nature" of culture links folklore with the Middle Age and Modern poetry as the new forms of the dialogue with nature. This idea was consolidated by the figure of Faust, chosen by the Sturmiers and Goethe as the hero of the "masterpiece" summarizing the national poetic path. Novalis elevated Catholicism to the cult of the earth, and the collective mind was connected with it by magic. He saw the institution of this union as an "ideal" Prussia where self-knowledge unites citizens, and the monarch unites the people and nature as an esoteric master. The French monarchy divided the people by cultivating selfishness. The prerequisites of this opinion were indicated by J. Le Goff and L. Karsavin who stated the existence of two types of cultures, which emerged as a result of the Roman conquest of Europe. For the national ones, who retained their languages and with them the connection with pre-Roman mythology and folklore, the introduced ancient norm and Christianity became forms of self-development. For the newly emerged unities west of the Rhine, they became the foundation of the cultural convention.

Keywords: nature, national culture, folklore, medieval poetry, "Storm and Onslaught", Heidelberg romanticism, state

В творчестве Новалиса реакция немецкого романтизма на Просвещение была цивилизационной: негативами германского мира явились как французская монархия, так и республика. Лежащая в основе такой оценки философская позиция Новалиса развивала концепцию национальной культуры, которую движение «Буря и натиск» во главе с Й. Г. Гердером противопоставило французскому классицизму XVII–XVIII вв. Это подразумевало два типа культуры в Европе. Актуальным видится вопрос об исторических предпосылках такого взгляда. В гердеровском понимании культура народа формируется психологическим освоением природы в мифе и фольклоре, закрепляемым в языке. «Органичность» культуры делает ее исторически непрерывной, связывая фольклор с поэзией Средневековья и Нового Времени задачей личного и коллективного диалога с природой. Это скрепила фигура ученого мага Фауста, выбранная штюрмерами и Гете героем «шедевра», суммирующего национальный поэтический путь. Новалис возвел католицизм к культу земли, с которой коллективное «я» соединяла магия. Институтом такого соединения он видел «идеальную» Пруссию, чьих граждан объединяет самопознание в зеркале другого, а монарх объединяет народ и природу в качестве эзотерического мэтра. Французские же монархия и республика разъединяют народ, культивируя личный и сословный эгоизм. Й. Г. Фихте исторически обосновал взгляды Новалиса тем, что германские франки, подчинив Галлию, заговорили на местном диалекте латыни – чужом для них и галлов и потому не связывающем с природой. Предпосылки позиции Фихте обозначили Ж. Ле Гофф и Л. Карсавин, констатирующие появление в результате римского завоевания Европы двух типов культур. Для национальных, сохранивших свои языки, а с ними – связь с доримскими мифологией и фольклором, привнесенные античная норма и христианство стали формами саморазвития. А для вновь возникших единств к западу от Рейна они стали фундаментом культурной конвенции.

Ключевые слова: природа, национальная культура, фольклор, средневековая поэзия, «Буря и натиск», хайдельбергский романтизм, государство

Для цитирования: Иваницкий А. Понятие национальной культуры в немецком романтизме: источники и исторические предпосылки // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 128–133. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-128-133

1.

Термин «реакционный» применительно к немецкому романтизму достаточно давно утвердился в своем изначальном значении «ответного», реагирующего [1, с. 408, 414]. Оппонентом романтизма, спровоцировавшим его ответ, стали, как известно, французские Просвещение и революция 1789–1794 гг. В творчестве главы йенской романтической школы Новалиса, прежде всего в его эссе «Вера и любовь, или Король и королева» («Glauben und Liebe oder der König und die Königin», 1797), Германия и Франция противопоставляются по «цивилизационному» основанию, где равно негативные французские монархия и республика, по сути, предполагают друга друга.

Идеалы французской монархии в понимании Новалиса – зажиточность подданных и сословный мир – несут в себе зародыш революции, поскольку рассудок, служащий эгоизму человека, становится рабом прихотей; потребности растут по мере их удовлетворения и в итоге перерастают возможности такового со стороны власти. Замыкаясь на них, гражданин становится обывателем («филистером»), а побеждающая с революцией демократия – властью толпы, «у которой вульгарность срослась с естеством». В свою очередь, культурный космополитизм революционеров и их сторонников («просветительский классицизм») маскирует их бессердечие и внутреннее бессилие. Отсюда смена французской монархии республикой проявляют, по Новалису, слабость социума в целом, лишённого внутреннего единства и отсюда – энергии.

Альтернативой Новалис видит Пруссию курфюрста Фридриха Вильгельма I (правил в 1713–1740 гг.). Она была основана на духовном единстве граждан, которое и скрепляло собою в лице монарха. Такое, «нравственное», государство прочно, поскольку в нем «крестьянин радуется куску заплесневелого хлеба и благодарит Бога за счастье родиться в этой стране». Современная Пруссия, по Новалису, пошла по опасному французскому пути, поскольку наследники Великого курфюрста также стремились «привлечь подданных корыстью». Она должна вернуться к своему идеалу, и поэтому, чтобы усовершенствовать законы, их следует наделить «большой способностью к любви» [2, с. 104–105, 122, 127, 129, 132–138, 140, 220–221].

Между тем лежащая в основе этого взгляда философия Новалиса замыкает одну из ключевых линий в формировании немецкой концепции национальной культуры. Она была, как известно, задана предшествующим романтизму движением «Буря и натиск» («Sturm und Drang») во главе с Й. Г. Гердером, развита так называемыми «хайдельбергскими» романтиками и фактически противопоставлена в качестве не концепта, а немецкого феномена французскому «наднациональному» классицизму XVII–XVIII вв.

Это подразумевало наличие двух типов культур в Европе с разным набором составляющих. В таком контексте исторические предпосылки штюрмерско-романтической концепции позволят оценить ее не как субъективный взгляд на феномен национальной культуры вообще и немецкой в частности, а как на этап ее развития.

2.

В суммирующих концепцию Гердера «Идеях к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1787–1791) формирование национальной культуры состоит в психологическом освоении народом природы себе и себя в ней, плоды которого являются в мифе и его младших фольклорных формах. Природа, таким образом, выступала национальной духовно-поэтической «почвой», а полем ее освоения представал язык [3, с. 177–182, 189–206, 211–222]¹.

Отсюда хайдельбергские романтики и, в частности, Й. Гёррес видели разделение народа на сословия исторически обусловленным и потому не безусловным: в каждом человеке соединены потенциалы всех сословий, которые проявляются в силу социальных обстоятельств [5, с. 173]. Й. Арним также полагал, что, «выделяя из себя семью и личность, род и народ воссоединяются в состояниях, захватывающих всех» [6, с. 293]. В итоге история у Гердера и романтиков не отменялась, а меняла свое содержание, представляя не сменой правителей и правлений, а формированием национального характера в ходе поэтико-психологического освоения природы. В русле этой идеи Я. Гримм пишет К. Ф. Савиньи [Там же, с. 277–278] о том, что сказания и эпос выражают сущностное начало в национальном бытии

¹ Соответствующая роль языка стала программной уже в романтическую эпоху. Из недавних работ см., напр.: [4, с. 396–399].

и движении и потому историчны. В. Гримм [Там же, с. 281] заключает из этого, что народную поэзию следует изучать как мифологию².

Видя природу ключевым предметом народной поэзии, Гердер и вслед за ним «хайдельбержцы» представили последнюю прямым, «органическим» продолжением природы. Так, для Гёссера народные песни – *«творения не искусства, а природы, наподобие растений. В них она проявляет свой эпический дух»* [5, с. 177]. Органичность предполагала неделимость: исторически наследующая архаике и вдохновленная христианством поэзия Средневековья и Нового Времени вплоть до современности явилась новым качеством психологического диалога с природой – личного и коллективного³. Поэтому Арним и К. Брентано, осуществлявшие штюрмерскую программу собирания немецкого поэтического фольклора, свободно сочетали в своем собрании «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn», 1806–1808) языческую и религиозную лирику, что по умолчанию предполагало их синтез в народном сознании.

Наконец, в I части «Фауста» Гете фольклорный ключ постижения природы соединился с немецкой ренессансной эзотерикой XVI в. Кульминацией национальной истории как культуры Гердер видел гения, который обобщил бы в эпосе или драме фольклорный (национальный) поэтический опыт. Для этого «гений» должен был найти в фольклоре героя, воплощающего волю народа к осуществлению своей исторической роли⁴. Фауст – ученый маг из народной книги XVI в. был выбран на эту роль штюрмерами еще до Гете: сначала Ф. Мюллером («Жизнь и смерть Фауста», 1778), а затем М. Клингером («Жизнь, деяния и гибель Фауста», 1790)⁵.

² В этом, очевидно, проявилось отличие Гердера от «географической школы» во главе с Ш. де Монтескье, на которую он опирался в видении климата, ландшафта и рельефа источниками национального бытия и характера. Монтескье в своем «Духе законов» («De L'Esprit des Lois», 1748) видел их плодом в первую очередь насущные потребности, образ жизни и отсюда законы народа [7, с. 9–33, 42–47]. Для Гердера же они суммировались законами «естества» (*‘das Wesen’*) [8, с. 105]. А для Я. Гримма [6, с. 286] древний царь соединял в себе судью, правителя и певца. О преемстве и оппонировании Гердера взглядам Монтескье на роль климата в коллективном бытии см.: [9, с. 74, 109–110, 325–326].

³ См.: [1, с. 412, 414].

⁴ О влиянии Гердера на юного Гете см.: [10, с. 21, 57–68]; ср.: [11, с. 145–159].

⁵ См. подробнее: [12, с. 29–49]. В свою очередь, Гете, сделав Фауста героем лирико-драматической поэмы, представил в ней эзотерическое и фольклорное освое-

3.

Новалис философски обосновал в своих «Фрагментах» («Fragmente», 1797–1800) поэтический стержень ролевого преемства архаики, христианства и магии в коллективном («национальном») психологическом освоении природы. Определив его как *«практическую религию»*, Новалис представляет целью последней объединение человеком в высшем существе Природы и своих влечений к ней (*«Каждый возлюбленный предмет есть центр Рая»*). Психологическое освоение природы и себя в ней превращается в овладение ею, то есть распространение себя до внешних пределов мира (*«Объясняя предмет, мы приобщаем его себе»*). А этому служит магия – *«искусство пользоваться чувственным миром по своему усмотрению»* [2, с. 87–88, 110, 169–170, 189, 211–212].

Условием такого соединения с природой является, по Новалису, объединение людей в одно духовное целое (в штюрмерском понимании – «народ»). Этому служит самопознание, помогающее человеку увидеть себя во всех и всех в себе: *«потенциал гениальности есть у каждого, поскольку он способен быть одной личностью и делиться на многие»*. Понимание себя прямо пропорционально пониманию других [Там же, с. 89–94, 157, 168, 205–206, 247, 267, 298].

В то же время «практической религией» Новалис видит католицизм, где культ Марии выступает новым, духовным качеством культа Природы. Поэтому искомое гармоническое тождество коллективного «я» и природы наделяется христианскими значениями: *«Совершенная жизнь» (дух и добродетель) – небо, которым должно стать все»*. Именно движение природы через наращение симпатии ее начал составляет у Новалиса значение Священной истории: *«Если Бог стал человеком, Он может стать камнем растением, животным, стихией...»* [Там же, с. 247–252, 279–283, 292, 298, 300].

Институтом же объединения народа в одно духовное целое, а его – с природой, по Новалису, выступает государство – *«главное дело каждого гражданина, чувствующего, что его бытие... сопряжено[о] с общественными...»*, – и в итоге сводящего их в одно «Я»: *«Мы должны стать*

ние природы содержанием личного поэтического опыта. Как показывают И. Ф. Волков [13, с. 203–204, 209] и А. В. Михайлов [14, с. 9], образы как Ветхого Завета, так и немецкого фольклора в первой части трагедии Гёте не только и не столько выражают ее идеи, сколько отражают путь их поэтического освоения поэтами «Бури и натиска» и самим Гете. См. об этом также: [15, с. 376–391], [16, с. 334].

одним большим Я, растворяя свое малое Я в малом Ты». Залогом выступает изначальное подобие человека и общества: «Общество – неделимая мыслящая и чувствующая личность», а «каждый человек – общество в миниатюре». Бескорыстно служа государству, граждане становятся в итоге одним идеальным («образцовым») человеком.

Таким государством и выступает для Новалиса Пруссия в своем идеале. С одной стороны, гражданин мира, по Новалису, выше европейца, как тот – выше француза, англичанина или немца. С другой стороны, эти национальные группы суть духовные принципы, в которых «немецкий» преобладает как наиболее «популярный» (всеобщий). Он и состоит в нахождении себя во всех и всех в себе, где в итоге «...простые Я и Ты дополняют большое Я».

Государство и осуществляет ролевое преемство христианства и эзотерической науки архаической гармонизации коллективного «я» и природы. С одной стороны, стержнем объединения граждан в единую «всемирно-бесконечную» личность выступает монарх. Его миссия состоит в том, чтобы «...возводить подданных до себя», и поэтому «в перспективе каждый гражданин будет достоин трона». Он осуществляет эту миссию, будучи абсолютным мэтром научно-эзотерического знания, в чем и состоит его «просвещенный» статус⁶.

С другой стороны, концентрация народа в одно «я» вокруг монарха носит духовно-моральный, то есть христианский характер («Монарх – зримое предчувствие лучшего и более благородного мира»). Это превращает службу в богослужение, а трон – в алтарь. Поэтому «Духовность (гений) государства блещет в каждом гражданине – как в религиозном сообществе личный Бог открывается в тысяче образов». Это делает чиновниками всех граждан государства как духовного братства – по образцу Тевтонского ордена, которому исторически и наследовала Пруссия.

Суммируя смысл всех исторически наследующих форм диалога с природой (фольклора, христианства и эзотерики), «высокодуховное» государство вбирает в себя их органичность⁷, а в силу этого «не может не стать поэтическим» [2, с. 114–115, 124–139, 173 211–216, 220–221, 267, 276, 285, 293]. Такому «просвещенному абсолютизму» и противостоит у Новалиса абсолютизм французский – разъединяющий народ по

вторичному принципу социального эгоизма, а не объединяющий его по фундаментальному основанию духовного единства друг другу и природе⁸.

4.

Наиболее отчетливое «историко-культурное» обоснование концепции Новалиса сформулировал, как представляется, Й. Г. Фихте (на учение которого в своих идеях государства последовательно опирался йенский романтик). В написанных спустя семь лет после кончины Новалиса «Речах к немецкой нации» (1808) Фихте так объясняет отличия в национально-культурном самосознании французов и немцев: если германцы к востоку от Рейна сохранили этноязыковую аутентичность, то франки, утвердившиеся в Галлии (нынешней Франции), заговорили на местном диалекте языка бывших завоевателей – римлян (назвав его своим именем – ‘*Frankisch*’). В терминологии Фихте франки перестали быть «народом изначального языка», который, в понимании философа, является основной коллективного самосознания и мировосприятия [20, с. 67–68, 103]⁹.

Суммарно с позициями Новалиса и хайдельбергских романтиков оценка Фихте подводит к выводу: отсутствие скрепляемой языком духовной связи с природой как почвой превращает народ из внутреннего единства в неустойчивое сообщество.

В следующем веке Л. П. Карсавин [22, с. 25–34, 44–55, 81, 97] и Ж. Ле Гофф [23, с. 41–57] обозначили исторические предпосылки романтического взгляда на национальную культуру. По сути, они констатировали возникновение в Европе в результате римского завоевания двух типов культуры, которые можно условно определить как национальный и конвенциональный. Для большинства культур центральной, северной и восточной Европы, сохранивших вместе с языками связь с мифом и фольклором, христианство, а впоследствии античность стали формами под-

⁶О значениях «просвещенности», в том числе властной, у Новалиса см., напр.: [17, с. 82–111].

⁷См. об этом: [1, с. 409–410].

⁸ Именно изначальность этой модели в отношении классицизма и просвещения и делают позицию романтика не реакционной, но консервативной. См. специально посвященную этому монографию [18]. О соответствующих преимуществах прусской модели у Новалиса см. также: [19, с. 299–318].

⁹Ср. замечание В. Гумбольдта в статье «Характер языка и характер народа» (1822) о стадийно позднейшем, в сравнении с германскими языками, формировании в Европе «дочерних языков латыни», происходящем уже в пору зрелого средневековья – в терминологии Гумбольдта «... на наших глазах... посредством смешения и изменения» [21, с. 373].

спудного саморазвития. В то же время ряд культур Средиземноморья сформировался римским завоевательным объединением неродственных этносов (кельтов, берберов, финикийцев), а также покоривших либо сменивших римлян в их бывших владениях германских франков, лангобардов, вестготов. В результате они постепенно забыли родные языки и оказались отсечены от своей доримской культуры и фольклора. Диалекты латыни и христианская религия (а затем канонизированная в классицизме античность) стали для вновь образовавшихся единств фундаментальной культурной конвенцией. Возможно, эта историко-культурная развилка и была оторефлексирована немецкими штюрмерами и романтиками – в противовес французскому Просвещению и благодаря ему¹⁰.

Список источников

1. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. Публ. А. В. Михайлов. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 401–435.
2. Новалис. Фрагменты. Перев. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. 319 с.
3. Гердер Й. Г. Идеи к философии истории человечества. Перевод с нем и прим. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 704 с.
4. Белова Л. А., Челпанова Е. В. Лингвистическая репрезентация немецкоязычной картины мира в сказках братьев Гримм // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 396–399.
5. Гёррес И., Брентано К. Дискуссия о народной поэзии // Эстетика немецких романтиков. Публ. А. В. Михайлов. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 17–250.
6. О народной поэзии. Из писем и статей романтических писателей // Эстетика немецких романтиков. Публ. А. В. Михайлов. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 275–308.
7. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 673 с.
8. Herder J. G. Gedanken bei Lesung Montesquieus. Sturm und Drang. Weltanschauliche und ästhetische Schriften. Bd. I-II. Hrsg. P. Müller. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1978. Bd. I, S. 105–108.
9. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: Росспэн, 2004. 480 с.
10. Тураев С. В. Гете и формирование концепции мировой литературы. М.: Наука, 1989. 268 с.
11. Leitzmann H. Der junge Goethe und Herders Schriften, in: Goethe. Vierteljahrsschrift. D. Goethe-Gesellschaft, 7, 1942. S. 21–40.
12. Doke T. Faustdichtungen des Sturm und Drang // Goethe-Jahrbuch, 32, 1970. S. 29–49.
13. Волков И. Ф. «Фауст» Гете и проблема художественного метода. М.: Изд. МГУ, 1970. 264 с.

¹⁰Ср. характерную в этом плане оценку Америки Я. Гриммом а его письме к Арниму как «колонии, лишённой почвенности» [5, с. 300].

14. Михайлов А. В. Гете, поэзия, «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Лирика. Серия Библиотека классики (Зарубежная литература). Сост., вступительная статья, комментарий. М.: Художественная литература, 1986. С. 9–40.

15. Иваницкий А. И. Автобиографизм I части «Фауста» Гёте: о роли и месте в смысловом целом // Литература и искусство в поле притяжения Гёте: сборник научных статей. Отв. ред. П. В. Абрамов. М.: Изд. Московского государственного лингвистического университета, 2023. С. 376–391.

16. Vietor K. Goethe. Dichtung, Wissenschaft, Weltbild. Bern: 1949. 600 S.

17. Schanze H. Romantik und Aufklärung: Untersuchungen zu Friedrich Schlegel und Novalis. Nurnberg: Carl, 1966. 176 S.

18. Kurzke H. Romantik und Konservatismus: Das «politische» Werk Friedrich von Hardenbergs (Novalis) im Horizont seiner Wirkungsgeschichte. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. 292 S.

19. Häring Th. Novalis als Philosoph. Stuttgart: Kohlhammer, 1954. 648 S.

20. Фухте Й. Г. Речи к немецкой нации. Пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, 2008. 336 с.

21. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа. Перев. с нем. А. О. Гулыги // В. Гумбольдт Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370–381.

22. Карсавин Л. П. Культура Средних веков. Киров: Символ – Airland, 1995. 198 с.

23. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Пер. с французского под ред. В. Л. Бессмертно-го. М.: Прогресс-Академия. 1992. 373 с.

References

1. Mikhailov, A. V. (2006). *E`steticheskie idei nemetskogo romantizma* [Aesthetic Ideas of German Romanticism]. E`stetika nemetskikh romantikov. Publ. A. V. Mikhailov. Pp. 401–435. St. Petersburg, izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
2. Novalis. (2014). *Fragments* [Fragments]. Perv. s nem. A. L. Vol'skogo. 319 p. St. Petersburg, Vladimir Dal'. (In Russian)
3. Gerder, I. G. (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of Human History]. Pervod s nem i prim. A. V. Mikhailova. 704 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Belova, L. A., Chelpanova, E. V. (2023). *Lingvisticheskaya reprezentatsiya nemetskoyazy`chnoi kartiny` mira v skazkakh brat'ev Grimm* [Linguistic Representation of the German-language Picture of the World in the Fairy Tales of the Brothers Grimm]. Kognitivny'e issledovaniya yazy`ka. No. 4 (55), pp. 396–399. Moscow. (In Russian)
5. Gyorres, J., Brentano, K. (2006). *Diskussiia o narodnoi poe`zii* [Discussion about Folk Poetry]. E`stetika nemetskikh romantikov. Publ. A. V. Mikhailov, pp. 17–250. St. Petersburg, izd. SPbGU. (In Russian)
6. *O narodnoi poe`zii. Iz pisem i statei romanticheskikh pisatelei* (2006) [About Folk Poetry.

From Letters and Articles of Romantic Writers]. *E`stetika nemetskikh romantikov*. Publ. A. V. Mikhailov. Pp. 275–308. St. Petersburg, izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

7. Montesk'e, Sh. L. (1999). *O dukhe zakonov* [About the Spirit of Laws]. 673 p. Moscow, My'sl'. (In Russian)

8. Herder, J. G. (1978). *Gedanken bei Lesung Montesquieus* [Thoughts while Reading Montesquieu]. Sturm und Drang. Weltanschauliche und ästhetische Schriften. Bd. I-II. Hrsg. P. Müller. Bd. I, S. 105–108. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag. (In German)

9. Meineke, F. (2004). *Vozniknovenie istorizma* [The Emergence of Historicism]. 480 p. Moscow, Rosspe'n. (In Russian)

10. Turaev, S. V. (1989). *Gete i formirovanie kontseptsii mirovoi literatury* [Goethe and the Formation of the Concept of World Literature]. 268 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Leitzmann, H. (1942). *Der junge Goethe und Herders Schriften* [The young Goethe and Herder's writings]. Goethe. Vierteljahrsschrift. No. 7, pp. 21–40. D. Goethe-Gesellschaft. (In German)

12. Doke, T. (1970). *Faustdichtungen des Sturm und Drang* [Faust Poems of the Sturm und Drang Period]. Goethe-Jahrbuch, No. 32, pp. 29–49. (In German)

13. Volkov, I. F. (1970). *“Faust” Gete i problema khudozhestvennogo metoda* [Goethe's “Faust” and the Problem of Artistic Method]. 264 p. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

14. Mikhailov, A. V. (1986). *Gete, poe`ziya, “Faust”* [Goethe, Poetry, “Faust”]. Gete I. B. Faust. Lirika. Seriya Biblioteka klassiki (Zarubezhnaya literatura). Sost., vstypitel'naya stat'ya, kommentarii. Pp. 9–40. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

15. Ivanitskii, A. I. (2023). *Avtobiografizm I chasti “Fausta” Gyote: o roli i meste v smy`slovom tselom*

[Autobiographism of the First Part of Goethe's “Faust”: About the Role and Place in the Semantic Whole]. *Literatura i iskusstvo v pole prityazheniya Gyote: sbornik nauchny`kh statei*. Ott. red. P. V. Abramov. Pp. 376–391. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. (In Russian)

16. Vietor, K. (1949). *Goethe. Dichtung, Wissenschaft, Weltbild* [Goethe. Poetry, Science, Worldview]. 600 p. Bern. (In German)

17. Schanze, H. (1966). *Romantik und Aufklärung: Untersuchungen zu Friedrich Schlegel und Novalis* [Romanticism and Enlightenment: Studies on Friedrich Schlegel and Novalis]. 176 p. Nurnberg, Carl. (In German)

18. Kurzke, H. (1983). *Romantik und Konservatismus: Das “politische” Werk Friedrich von Hardenbergs (Novalis) im Horizont seiner Wirkungsgeschichte* [Romanticism and Conservatism: The “Political” Work of Friedrich von Hardenberg (Novalis) in the Context of Its History of Influence]. 292 p. München, Wilhelm Fink Verlag. (In German)

19. Häring, Th. (1954). *Novalis als Philosoph* [Novalis as a Philosopher]. 648 p. Stuttgart, Kohlhammer. (In German)

20. Fikhte, J. G. (2008). *Rech i k nemetskoi natsii* [Speeches Addressed to the German Nation]. Per. s nem. A. K. Sudakova. 336 p. Moscow, Kanon+. (In Russian)

21. Gumbol'dt, V. (1985). *Kharakter yazy`ka i kharakter naroda* [The Character of the Language and the Character of the People]. Perev. s nem. A. O. Guly`gi. Gumbol'dt V. Yazy`k i filosofiya kul'tury', pp. 370–381. Moscow, Progress. (In Russian)

22. Karsavin, L. P. (1995). *Kul'tura Srednik vekov* [Culture of the Middle Ages]. 198 p. Kirov, Simvol – Airland. (In Russian)

23. Le Goff, Zh. (1992). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Per. s frantsuzskogo pod red. V. L. Bessmertnogo. 373 p. Moscow, Progress-Akademiya. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Иваницкий Александр Ильич,
доктор филологических наук,
Российский государственный гуманитарный
университет,
125047, Россия, Москва,
Миусская пл., 6.
meisster@mail.ru

Ivanitskiy Alexander Ilyitch,
Doctor of Philology,
Russian State University for Humanities,

6 Miusskaya Square,
Moscow, 125047, Russian Federation.
meisster@mail.ru